

С.В. Дорда

ОСОЗНАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Постоянно расширяющийся процесс международного сотрудничества – профессионального, научно-технического, торгово-экономического, культурного, личностного – предполагает обмен информацией и общение между представителями разных культур. Коммуникация входит в нашу жизнь в новом и широком смысле этого слова, связанном с термином «коммуникация», но не тождественным ему. Благодаря масс-медиа возникло новое культурное пространство, оказывающее огромное влияние на общественное сознание. «Культурный мир» не только резко расширился, но и преобразился. Коммуникация между культурами, став новой реальностью, соединяет и разрушает национальные традиции, создавая традицию «интеркультуры». Взаимосвязь культуры, общества и речевой деятельности его членов неоднократно отмечалась исследователями [5; 9; 14; 23; 24; 25 и др.], подчеркивавшими, что лингвистическая теория не может ограничиваться только лишь изучением лингвистического кода и игнорировать особенности общего социального поведения его носителей. Все это говорит об *актуальности* осознания национально-культурной специфики в процессе межкультурной коммуникации. **Целью** данной статьи является исследование следующих вопросов: в каких сферах культуры следует искать ее специфику; каково место и значение языка в национальной специфике культур.

Чтобы ответить на эти вопросы необходимо дать определение понятия культура. В трактовке понятия «культура» существуют значительные различия. Выделяются два основных смысла этого понятия: культура как «высокая» культура и культура как антропологическая культура. Первое значение связывается с интеллектуальными и художественными достижениями этноса. В антропологическом смысле говорят главным образом о так называемой «поведенческой культуре» (behavioral culture – [19; 21]), т.е. о культуре как об этноспецифических нормах, обычаях, коммуникативных стереотипах и других

явлениях, отличающих данную лингвокультурную общность от других. Иначе говоря, поведенческая культура в антропологическом смысле охватывает любой аспект общения или поведения этноса, который придает ему национально культурное своеобразие и внутреннее чувство сплоченности [26, 126].

Т.А. ван Дейк считает, что у представителя каждой культуры знания о мире организованы в «сценарии» [8]. Подобные «сценарии» относительно постоянны, часто используются членами социума и находятся в долговременной (социальной) памяти. «Сценарии» содержат в сжатой форме всю общедоступную данной культуре информацию о стереотипном варианте какого-либо явления, максимум стандартной лексики. Представители одной культуры общаются друг с другом на основе именно этого общего знания.

Другими словами, коммуникация требует знания и владения поведенческими актами, выходящими за пределы системы языка, относящимися к области менталитета, логики, философии, традиций, обычаев. Еще сложнее выглядит ситуация в случае коммуникации носителей разных языков, поскольку последние являются одновременно и носителями различных культур.

Термин «межкультурная коммуникация» как обозначение научной дисциплины относительно нов. Межкультурной коммуникацией называется адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам [6, 26]. Первоначально исследования в русле межкультурной коммуникации ориентировались на описание традиций, обычаев народа, язык которого изучался, его культурной среды. На современном этапе исследования в области межкультурной коммуникации основываются на тезисе о нерасчлененности гуманитарных знаний. Такой подход, перенесенный из культурологии в лингвистику, предполагает при анализе фактов языка синтез лингвистики и других наук. Проблема этого подхода к изучению языка заключается в том, чтобы все это не стало простым суммированием данных, накопленных отдельными дисциплинами. По всей видимости, для решения данной проблемы необходима интегрирующая единица, а также методы ее идентификации и описания. В качестве такой единицы все чаще используется понятие концепт.

Краткий словарь когнитивных терминов дает следующее определение: понятие концепт отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания [11, 90]. Отмечается возможность различных интерпретаций термина. Предлагается рассматривать концепты как соотносительные со значением слова понятия. Значением слова становится концепт, «схваченный знаком» [11, 92]. Ю.С.Степанов предлагает структурную модель концепта: 1. основной, актуальный признак; 2. дополнительные, «пассивные» признаки, являющиеся историческими; 3. внутренняя форма, запечатленная во внешней словесной форме [15, 44]. Согласно Степанову концепт существует и осознается в разной мере представителями данной культуры. В основном признаке концепт актуален для всех носителей языка и культуры. Его дополнительные признаки осознаются лишь представителями некоторых социальных групп.

Культуру следует рассматривать как сложную самоорганизующуюся систему, обладающую специфическим для нее набором кодов. Основополагающими признаками сложной системы считаются следующие: она

- 1) взаимодействует со средой и другими системами как единое целое,
- 2) состоит из иерархии подсистем более низкого уровня,
- 3) является подсистемой для систем более высокого порядка,
- 4) сохраняет общую структуру взаимодействия элементов при изменениях внешних условий и внутреннего состояния [10, 44].

Важнейшей характеристикой системы является не бесцельное «взаимодействие», а целенаправленное «взаимодействие» компонентов системы, организуемой результатом ее деятельности [Анохин 1968:55]. При этом она выступает как «самонастраивающаяся система, приспособливающаяся к условиям своего функционирования не только путем обогащения своего состава, но и путем изменения самой своей структуры» [1, 119].

В случае системы «культура» ситуация осложняется тем, что артефакт в ней становится ценностью – произведением культуры. Помимо кода того или иного вида

культуры, здесь присутствует ценностный код культуры. К такому выводу могут привести рассуждения И. Пригожина о человеческих системах, к числу которых принадлежит культура. Ученый рассматривает человеческие системы не в понятиях равновесия или как «механизмы», а как креативный мир с неполной информацией и изменяющимися ценностями, мир, в котором будущее может быть представлено во многих вариантах. «Социальная проблема ценностей в широких пределах может связываться с нелинейностью. Ценности – это коды, которые мы используем, чтобы удерживать социальную систему на некоторой линии развития, которая выбрана историей. Системы ценностей всегда противостоят дестабилизирующим эффектам флуктуации, которые порождаются самой социальной системой, это и придает процессу в целом черты необратимости и непредсказуемости» [12, 34].

Любая из культур должна иметь часть признаков, общих для всех локальных культур, а также группу признаков, несущих национально-специфическую нагрузку. Признаки, характеризующие ту или иную культуру, можно подразделить на три группы:

- 1) характерные для всего человечества – общие, неспецифические;
- 2) характерные для группы локальных культур – относительно специфические;
- 3) характерные только для данной локальной культуры – абсолютно специфические [2, 74].

Для определения этнодифференцирующих культурологических признаков необходимо взаимодействие, по крайней мере, двух культур. Только в диалоге, благодаря действию прямых и обратных связей в системе «культура» концепт становится «генератором» смыслов.

«Первое место среди национально-специфических компонентов культуры занимает язык. Язык в первую очередь способствует тому, что культура может быть как средством общения, так и средством разобщения людей. Язык – это знак принадлежности его носителей к определенному социуму.

На язык как основной специфический признак этноса можно смотреть с двух сторон - по направлению «внутри», и тогда он выступает как главный фактор этнической интеграции, по направлению «наружу», и в этом случае он – основной

этнодифференцирующий признак этноса. Диалектически объединяя в себе эти две противоположные функции, язык оказывается инструментом и самосохранения этноса, и обособления «своих» и «чужих» [2, 75].

Культурная и языковая картины мира тесно взаимосвязаны, находятся в состоянии непрерывного взаимодействия и восходят к реальному миру, окружающему человека. Национальная культурная картина мира полнее, богаче и глубже, чем соответствующая языковая. Однако, именно язык «вербализует» национальную картину мира, хранит ее и передает из поколения в поколение.

Рассматривая язык с точки зрения его структуры, функционирования и способов овладения им, то социокультурный слой, или компонент культуры, оказывается частью языка или фоном его реального бытия. В то же время компонент культуры – не просто некая культурная информация, сообщаемая языком. Это неотъемлемое свойство языка, присущее всем его уровням и всем отраслям.

Поскольку концепт – это идеальная сущность, обладающая определенной независимостью от значения лексических единиц, то его формирование в сознании человека происходит вне жесткой связи с тем, на каком языке он говорит. Это означает возможность установления общечеловеческих концептов, системы, реализации которых обнаруживают национальную, этническую, культурную специфику. Можно сказать, что концепт – это то, что разделяет национальные культуры и то, что их сближает.

В качестве примера рассмотрим реализацию концепта «дом» в русском и английском языке.

Русское слово «дом» переводится на любой язык. Например, на английский – «house». Однако русское слово дом шире по значению, чем слово *house*. Разницу в объеме семантики этих слов описал Бархударов Л.С.: «Русское слово дом можно считать эквивалентом английского *house*, однако эти слова совпадают лишь в двух значениях: «здание, строение» (например, *каменный дом – a stone house*) и «династия» (например, *дом Романовых – the House of Romanovs*). Во всех остальных значениях эти слова не совпадают. Русское *дом* имеет также значение «домашний очаг», «место жительства человека», в котором оно соответствует другому

английскому слову, а именно *home*. Дом в русском языке имеет также значение «учреждение», причем в этом значении оно каждый раз переводится на английский язык по-разному, в зависимости от того, о каком конкретно учреждении идет речь; ср. *детский дом* – *children's home* или *orphanage*; *торговый дом* – *commercial firm*; *сумасшедший дом* (разг.) – *lunatic asylum*; *исправительный дом* – *reformatory* и пр. В свою очередь английское *house* также имеет ряд значений, отсутствующих у слова *дом*: «палата Парламента» (например, *the House of Commons*), «театр» (например, *opera house*), «зрители, аудитория» (*appreciative house* – «отзывчивая публика»), «сеанс» (*the first house starts at five*), «гостиница» и пр. Мы видим, что русское *дом* и английское *house* никак нельзя считать «двумя ярлыками для одной и той же вещи»; каждое из этих слов (а ведь мы рассмотрели относительно простой случай) заключает в себе целую систему значений, лишь частично совпадающую с системой значений слова в другом языке» [4, 79-80].

Дом и *house* различаются и по употреблению в речи. В русском языке слово *дом* – обязательный компонент любого адреса. В английском языке в данном контексте у него вообще нет эквивалента и, соответственно, «перевода», мы просто пишем номер перед названием улицы. Разница в объеме семантики, разница сочетаемости – все это представляет определенные трудности в процессе межкультурного общения. Даже если рассмотреть те речевые ситуации, в которых *дом* и *house* совпадают по семантике, а значит, должны быть эквивалентны и легко переводимы, необходимо учитывать разницу культур на уровне если не реальных предметов, то представлений и понятий о них. Иначе говоря, понятие, выражаемое словом *дом*, и то, что стоит за английским словом *house*, – это разные вещи, определяемые разными культурами. «Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее ... Языки – это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение» [7, 349].

В ситуации межкультурного общения языковой барьер – не единственное препятствие на пути к взаимопониманию. К компонентам культуры, несущим национально-специфическую окраску, можно отнести повседневное поведение (привычки представителей некоторой культуры, принятые в некотором социуме

нормы общения), а также связанные с ним мимический и кинесический коды, используемые носителями некоторой лингвокультурной общности [17, 45]. В качестве примера приведем варианты реализации концепта «приветствие».

Англичане ввели процедуру рукопожатия в официальный протокол, но теперь обмен рукопожатиями у них принят только на первой встрече, в дальнейшем англичане довольствуются простым устным приветствием. В Китае при обмене рукопожатиями сначала жмут руку наиболее высокопоставленного лица. У народов Южной Африки рукопожатие означает отсутствие агрессивности намерений, расположенность к собеседнику, подчеркивание социального равенства. Однако в отличие от европейцев или американцев рукопожатие африканцев несколько мягче. Этим передается особое уважение к собеседнику. Рукопожатие возможно как для японца, так и для американца. Различаются они интенсивностью: слабое рукопожатие – у японца и достаточно интенсивное – у американца. Американское рукопожатие может восприниматься японцами как признак агрессивности. Поклон является обязательным для японца, американец ограничивается вербальным приветствием, иногда сопровождаемым легким кивком головы. Подобное поведение характерно и для большинства жителей Европы, поскольку берет свое начало в средние века, когда склониться в кольчуге и латах было практически невозможно. Кивок и поднесение руки к голове имеют то же происхождение: здороваясь, надо было поднять забрало, чтобы видеть с кем. Японец, живущий некоторое время в США, может сопровождать английское *How do you do?* японским поклоном, т.е. переносит полностью элемент своей системы невербального поведения в американский концепт.

Движение глаз – элемент приветствия и поддержания контакта в процессе общения. Американец обычно пытается встретиться взглядом с адресатом в момент установления контакта. Адресат-американец следит за глазами говорящего, отводя их в сторону в те моменты, когда их отводит говорящий. Для японца, особенно немолодого, типичны полуопущенные глаза как продолжение поклона.

Таким образом, невербальные элементы коммуникации являются неотъемлемой частью человеческого общения, т.к. речь не может быть освобождена от семантики

жестов, мимики, взглядов, телодвижений, интонаций. Не учитывать НВК при изучении коммуникативного процесса – «значит в значительной степени упростить (если не исказить) картину реальной коммуникации» [13, 464].

Специфическими особенностями обладает и сам носитель национального языка и культуры. В межкультурном общении следует учитывать особенности национального характера коммуникантов, специфику их эмоционального склада, национально-специфические особенности мышления.

Речь регулируется обществом, в котором мы живем, тем местом и ролью, которые общество нам отводит в том или ином коммуникативном контексте. Чтобы быть полноценным членом своего этно-культурного социума, говорящий обязан соблюдать в своей речи установленные этим обществом правила [16, 274], владеть «социокультурной грамматикой «языка» [20], предписывающей, какие языковые средства следует выбирать, выступая в той или иной социальной ситуации и роли и как в зависимости от этого интерпретировать высказывания окружающих. Эти правила организуют речь на социо-культурном уровне.

Важнейшие принципы коммуникации (в том числе и межкультурной) – это принцип кооперации, вежливости, заинтересованности, содействия [22, 146]. Правила вежливости, которые, регулируют речевую деятельность, являются одним из аспектов культуры, отраженных в речевом поведении носителей языка. Согласно теории Браун и Левинсона [18, 1], значение феномена вежливости заключается в том, что «он является основанием социальной жизни человека и его взаимодействия с другими людьми».

Центральным понятием теории вежливости в изложении П.Браун и Л.Левинсона является так называемое «лицо» или «публичный образ» – *face as a public self-image* [18, 131]. Существуют два основных желания, связанных с самоуважением (сохранением лица): желание не испытывать помех в своих действиях (потребности отрицательного «лица») и желание получить одобрение (потребности положительного «лица»). Помимо понятия «лица» личность обладает и рациональным потенциалом, т.е. способностью избирать методы достижения своих целей, исходя из самих целей [18, 61]. Соответственно, авторы

разграничивают стратегии отрицательной и положительной вежливости. Если основная сфера действия положительной вежливости – вербальное общение между индивидами, объединенными общими интересами, привычками, знаниями, а также взаимным стремлением сохранить и укрепить близость и дружелюбие, то отрицательная вежливость – это основа тактичного и уважительного поведения. Систему положительной вежливости называют также «вежливостью солидарности» [26, 167].

Концепт положительной вежливости был в свое время детализирован Дж. Личем [22, 16], который представил его состоящим из ряда следующих категорий:

категория такта (соблюдай интересы других, не нарушай границ личностной сферы собеседника);

категория великодушия (не причиняй затруднений другим);

категория одобрения (не хули других);

категория скромности (отстраняй от себя похвалу);

категория согласия (избегай возражений);

категория симпатии (проявляй доброжелательность).

Дж. Лич предлагает также различать «абсолютную» и «относительную» вежливость [22, 83]. Первая, по мнению автора, является универсальной и включает образцы поведения, признаваемые вежливыми в любом человеческом сообществе, например, приветствия, приглашения, совместное принятие пищи (угощения), прощания. Относительную вежливость можно рассматривать как шкалу с положительным и отрицательным полюсами, на которой некоторые речевые акты квалифицируются как «определенно вежливые» (*intrinsically polite*) – например, приглашения, комплименты, и «определенно невежливые» (*intrinsically impolite*), например, богохульство, угрозы, оскорбления. Соответственно, отрицательная вежливость рассматривается Личем как «уменьшение невежливости иллокутивных актов», а положительная вежливость – как «увеличение вежливости иллокутивных актов». Относительная вежливость напрямую зависит от контекста и ситуации, т.к. «принцип кооперации и принцип вежливости действуют по-разному в различных культурах, в различных ситуациях и различных социальных слоях» [22, 10].

Когда мы говорим о вежливости, то мы говорим об относительной вежливости, основанной на нормах поведения, закрепленных за соответствующими ситуациями. Однако, эти нормы различны в различных культурах, что и ведет к возникновению не всегда объективных порожденных этноцентризмом представлений о вежливости/невежливости той или иной нации. По мнению ряда исследователей [22;28], восточно-европейские народы, в частности, славяне, менее вежливы, чем, например, англичане. В то же время отмечается, что китайцы и японцы очень вежливы по сравнению с европейцами [22, 84]. Томас [27, 97] приводит «обидные» стереотипы, характеризующие, по его наблюдениям, «агрессивных русских», «подобострастных, раболепных индусов и японцев», «неискренних американцев» и «высокомерных британцев». По всей видимости, такие взгляды основываются на нормах поведения, как вербального, так и невербального, которые не всегда совпадают в различных культурах.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Благодаря действию прямых и обратных связей в системе «культура», концепт становится «генератором» смыслов. В языке концепт представляется в виде семантических систем, а в процессе коммуникации как последовательность вербальных и невербальных актов – своего рода лингвистических артефактов. Успех межкультурной коммуникации зависит от степени знания системы концептов и правил перехода от концептосферы к семантической системе и владения нормами ее реализации. Тот факт, что принцип вежливости является, по-видимому, универсальным, а те аспекты вежливости, что отличаются в различных культурах – ее специфические проявления, служит еще одним доказательством разнообразия культур, тех различных социо-культурных норм и ценностей, которые отражены на всех уровнях лингвистического кода. Так как вербальное поведение культурно детерминировано, а логика диалога этноцентрична [28, 175], то ключ к пониманию принципов вежливости, присущих той или иной культуре, следует искать в контрастивном изучении конкретных культурных особенностей речевого поведения носителей соответствующих языков.

Литература

1. Анохин П.К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. – М.: Медицина, 1968. – 325 с.
2. Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры. – Новосибирск, «Наука», 1989. – 196 с.
3. Арнольд И.В. Современные лингвистические теории взаимодействия и среды // Вопросы языкознания. – 1991. - №3. – С. 118-126
4. Бархударов Л.С. Двенадцать названий и двенадцать вещей // Русский язык за рубежом, 1969, №4, с. 79-80.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) // Вопр. языкознания. - 1981. - №1. - С. 36-47.
6. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М., 1990. – 160 с.
7. Гумбольдт В.фон Язык и философия культуры. – М., 1985. – 320 с.
8. Дейк Т. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
9. Каган М.С. Мир общения. – Москва: Политиздат, 1988. – 316 с.
10. Коган А.Б., Наумов Н.П., Режабек Б.Г., Чораян О.Г. Биологическая кибернетика. – М.: Высшая школа, 1977. – 136 с.
11. Краткий словарь когнитивных терминов (КСКТ)/ Под ред. Е.С.Кубряковой. – М., 1996. – 420 с.
12. Пригожин И. Природа, наука и новая рациональность // Философия и жизнь. – 1991. №7. – С. 34-46.
13. Русская разговорная речь /под ред. Е.А.Земской/. – М.: Наука, 1973. – 488 с.
14. Сакулин П.М. Филология и культурология. – М.: Высшая школа, 1990. – 248 с.
15. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М., 1997. – 320 с.
16. Тарасова Е.В. Речевая системность в терминах лингвопрагматики // Іноземна філологія на межі тисячоліть: Вісник ХНУ ім. В.Н.Каразіна. – Харків: Константа, 2000. – С.273-279.

17. Хаймс Д.Х. Этнография речи // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. VII: Социолингвистика. – М., 1975. – С. 84- 104.
18. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. – Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
19. Clyne M. Discourse Structures and Discourse Expectations: Implications for Anglo-German Academic Communication in English // Smith L.E. Discourse across Cultures: Strategies in World Englishes. - N.Y.: Prentice Hall, 1987. - P. 73-83.
20. Grayshon M.C. Towards a social grammar of language. (J.Fishman ,ed.) – Mouton Publishers, 1997. – 380 p.
21. Gudykunst W., Ting-Toomey S. Culture and Interpersonal Communication. - Beverly Hills: Sage, 1988. – 278 p.
22. Leech G. Principles of Pragmatics. – London, New York: Routledge, 1983. – 250 p.
23. Le Vine R. Cultural Environment in Child Development // Child Development Today and Tomorrow (Ed. by William Damon). - San Francisco: Jossey – Bass, 1989. - 183 p.
24. Mac Kinnon C. Only Words. - Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1993. – 197 p.
25. Nida E. Linguistics and Ethnology in Translation Problems // Language in Culture and Society: a Reader in Linguistics and Anthropology. - N.Y.: Harper and Row, 1964. – P. 90-100.
26. Scollon R., Scollon S. Intercultural Communication. – Blackwell: Oxford UK and Cambridge USA, 1995. – 271 p.
27. Thomas J. Cross-cultural Pragmatic Failure // Applied Linguistics. – 1983. - No.4. - P. 91-112.
28. Wierzbicka A. Different Cultures, Different Languages, Different Speech Acts: Polish vs. English // Journal of Pragmatics. - 1985. – Vol.9. - P. 145-178.